

みんなくりポジトリ

国立民族学博物館学術情報リポジトリ National Museum of Ethnology

Экономика. О кочевках и
пастбищах Монголии

メタデータ	言語: ru 出版者: 公開日: 2010-03-23 キーワード (Ja): キーワード (En): 作成者: A. D., シムコフ メールアドレス: 所属:
URL	http://hdl.handle.net/10502/3810

Экономика

А. Д. Симуков

О кочевках и пастбищах Монголии

I.

Широки, привольны монгольские степи. Бесконечные просторы разворачиваются перед путником, пересекающим в том или другом направлении территорию Монгольской Республики. Изредка показываются то здесь, то там широко раскиданные по степям немногочисленные стойбища обитателей этих просторов – кочевников-монголов. Близ стойбища бродят стада скота, звенит под синим небом заливистая степная песня пастуха. Но вот путник проехал стойбище и снова перед ним безлюдье.

Плохо знающий страну путешественник несомненно вынесет впечатление, что для кочевника Монголия – рай земной. Редкое население на огромном пространстве, свобода и легкость передвижения, обширнейшие пастбища с прекрасным по качеству кормом. Это ли не жизнь для скотовода? Казалось бы, такие условия дают возможность увеличить число скота и кормящегося им населения в несколько раз, что монгольское скотоводство, даже будучи экстенсивным, имеет перед собой самые широкие перспективы.

Но, при ближайшем знакомстве с Монголией, перед исследователем, будь то экономист, социолог или натуралист, раскрывается совершенно иная картина, ясно говорящая о пределе развития скотоводства, о пастбищном кризисе, еще не наступившем, правда, но, во всяком случае, близком.

Скотоводство, как основное занятие населения Монголии, еще долго будет играть первенствующую роль в экономике этой страны. Поэтому вполне естественно стремление населения возможно больше увеличить численность своих стад, на которых только и зиждется благополучие кочевника. Главнейшими факторами, задерживающими быстрый и равномерный прирост скота, являются засухи, снежные зимы с буранами и

эпизоотии. Энергичная борьба с этими последними начата, и рано или поздно этот фактор будет сведен к минимуму. С климатическими явлениями бороться значительно труднее, но и тут рядом несложных мер, о которых будет речь ниже, вполне возможно в значительной степени уменьшить губительное влияние этих факторов на монгольское скотоводство. Словом, с этой точки зрения особых препятствий развитию такового не предвидится. Остается выяснить вопрос о степени насыщенности Монголии скотом и, путем внимательного изучения, определить максимальное число скота, которое сможет прокормиться на пастбищах Республики. Попытки решить этот весьма важный вопрос делались уже довольно давно. Так, например, экспедиция Витте, работавшая на территории Внешней Монголии во время первой автономии в 1915 году, предлагает следующие цифры:

Если, 1) принять 50% площади Монголии за бесплодную; из остальных 50% вычесть площади скал, лесов, болот; 2) принять на остальной площади за средний процент пастбищ 81,7%; далее, разбить эту площадь на типы и по ним исчислить кормовую производительность, то на всю Внешнюю Монголию тогда придется около 551.500 кв. верст пастбищ, со средней производительностью в 2.752.000.000 пудов. Это дает (считая в день на 1 голову крупного скота 1 пуд сухого корма) цифру в 7.500.000 голов, т.е. бодо. Можно полагать, говорится далее, что эта цифра является предельной для номадного скотоводства.

Количество скота в бодо по официальной переписи, с некоторой надбавкой за счет несовершенства этой последней, определялось тогда цифрой 4.400.000¹⁾. Иначе, имевшееся в наличии количество скота составляло, судя по этим данным, 58,7% того количества, что могло бы прокормиться на пастбищах Монголии.

Таким образом, из этих цифр видно, что, при условии ослабления задерживающих развитие скотоводства факторов, предел насыщенности монгольских пастбищ скотом не так уж далек.

Отнесясь критически к вышеприведенным данным, следует заметить следующее. С одной стороны, дневная норма корма несколько преувеличена. Доказательства этому есть в работах той же экспедиции. Цифры по этому вопросу будут приведены ниже (см. сравнительная насыщенность хошунов; большие цифры). Казалось бы, что этот факт несколько отодвигает вышеприведенный предел количества скота. Но, с другой стороны, площадь годных под выпас земель, вероятно, тоже преувеличена. 551.500 кв. верст составляют, примерно, 30% площади всей Монголии. На самом же деле этот процент должен быть значительно меньше. Таково мнение

1) Мелкий скот здесь считается по 5 голов на 1 бодо.

компетентных лиц, также работавших в Монголии по данному вопросу, и мое собственное.

Кроме того, число наличного скота, даже и с небольшой поправкой на недостатки переписи (удвоено число скота шабинаров, как наиболее уклонявшихся от нее), явно преуменьшено. Сведения за 1928 год дают цифру в 5.376.000 бодо (приблизительно)²⁾. Но и эта цифра, вероятно, меньше истинной.

Изложенные замечания внушают мысль, что в сущности вполне возможно представить себе Монголию, как страну насыщенную скотом, и что в ближайшем будущем экстенсивное скотоводство зайдет в тупик.

Если принять это положение, то широкие мероприятия по использованию кормовых площадей, почему-либо негодных под выпас, по улучшению пастбищ и более рациональному их использованию и, наконец, по переводу части населения на оседлый быт путем максимального развития земледелия, где последнее возможно, и добывающей промышленности – эти мероприятия делаются насущнейшей необходимостью. Поэтому весьма важно теперь же собрать и критически рассмотреть все материалы, касающиеся вышеуказанных вопросов и предположений (о кочевках, пастбищах, об орошении, климате, земледелии и промышленности), выяснить пробелы, заняться, соответственно этим последним, детальным изучением местных условий в различных уголках Монголии, чтобы затем, на основании результатов этого изучения, планомерно проводить нужные мероприятия в наиболее жизненной и безболезненной для каждого отдельного района форме.

Если даже пастбищный кризис и не так близок, то все равно результаты такого изучения понадобятся несколько позже. Тем больше будет времени и для самого изучения и для серьезной, вдумчивой разработки всего этого вопроса. Ниже я попытаюсь осветить положение с пастбищами в некоторых местностях МНР на основании моих собственных работ и впечатлений и некоторых материалов, собранных другими лицами.

II.

Работая летом прошлого 1928 года в Центральном Хангае (см. мою статью о Хангайской экспедиции Ученого Комитета М.Н.Р. – “Хоз. Монголии”, №1 за 1929 год) по заданию, главным образом, географического характера, я собирал попутно сведения о кочевках и пастбищах. Своими разъездами я охватил территорию двух смежных сомонов хошуна Хан-

2) Для удобства сравнения здесь также мелкий скот считается по 5 голов в 1 бодо.

ундур-ула (бывший Цецен-ван, или Сайт-ван), аймака Цецерлик-Мандал. Я имел возможность детально изучить распределение растительных формаций, характер выпасов, отношение площади их к числу хозяйств сомона, порядок использования пастбищ и характер кочевков.

Сомон, как известно, является наименьшей административной единицей, имеющей более или менее определенные территориальные границы. В данном случае границы обоих рассматриваемых сомонов почти на всем своем протяжении естественны, т.е. проходят по высоким водораздельным гребням, часто весьма труднодоступным. Таким образом, кочевья каждого сомона находятся в пределах какой-либо определенной орографической системы. Здесь в одном случае это будет система истоков Хойту Тамира, в другом – система истоков Чолутэ. Площади обоих сомонов приближаются к 1700 и 1800 квадратных километров.

Течение наиболее крупных рек (кроме их вершин) сопровождается полосой кустарниковой и древесной уремы. Из деревьев вверху преобладает лиственница, внизу – тополь. Особенно пышна урема Хойту Тамира. На Чолутэ урема отсутствует. Травы в уреме обычно обильны, но слабы. Лучшие места – старые стойбища, где в изобилии растет пырей.

Пологие террасы низовьев больших долин покрыты степной травой, с преобладанием злаков. Сырые низины заняты кочкарником, иногда с гуджиристой почвой, по которому растет мелкая трава полуболотного типа (мелкие злаки и осоки). Степная растительность забивается по большим долинам и увалам высоко вверх, часто перемешиваясь то с лесными травами (на опушках и в лесных распадках), то с болотными, то, в верхних участках, с альпийскими. На крутых и обнаженных каменистых склонах эта степная формация, несколько изменяясь, входит в состав специальной формации убур³⁾.

Формация каменистых убуров и крутых увалов состоит, в зависимости от места, из несколько видоизмененных элементов других формаций (степной, лесной и альпийской) с примесью некоторых специальных форм, в особенности мелких полыней. Растения здесь большей частью мелки и, если можно так выразиться, их кормовые свойства более концентрированы. При меньшей травянистой массе, эффект этой формации, как корма, больше, нежели в других формациях. Поэтому, как будет видно ниже, растительность каменистых склонов является лучшим выпасом для скота. Распространена эта формация в северной, нижней половине района, но участки ее встречаются на крупных склонах и в самом верхнем поясе – в альпийских ущельях истоков.

3) Убур – склон, обращенный к югу.

Население обоих изученных сомонов распределено по их территории весьма неравномерно, что зависит исключительно от рельефа местности. Основная масса айлов сосредоточена в наиболее низкой и, вследствие этого, богатой выпасами части сомона.

Относительно кочевок я приведу следующие положения и замечания:

1. Район кочевок каждого отдельного айла весьма невелик. Расстояние между крайними пунктами колеблется между 5-10 километрами, лишь в отдельных случаях доходя до 20 км. Объясняется это сравнительным обилием корма, вследствие чего радиус выпаса очень мал, и при густоте населения, малой величиной пригодной для выпаса площади. Обычно, чем беднее аил, тем меньше радиус его кочевок. Малый район кочевок одного айла отмечен и в западном Хангае (С.А.Кондратьев). Кроме всего этого, каждый арбанай дарга⁴⁾ старается удержать свой десяток в пределах досягаемости.

2. Годовое число кочевок каждого айла различно. Как правило, их бывает не менее 4-х, по временам года. В дальнейшем число их зависит от количества скота, состояния кормов в данном году и, помимо случайных причин, еще и от характера главы хозяйства. Некоторые любят частые перемены места, другие же, наоборот, избегают частых передвижений. Зависимость от скота понятна: чем больше его, тем быстрее он выедает корм в ближайших окрестностях айла и тем самым побуждает хозяина к кочевке. Кроме того, летом около богатого скотом айла быстро скопляются нечистоты, заражающие воздух и привлекающие мух, что также заставляет обитателей айла менять место. Именно вследствие этой причины зажиточные хозяева кочуют не менее 2-х раз за три летних месяца.

Весной, особенно после тяжелой зимы, кочевки имеют несколько беспорядочный характер, так как каждый хозяин стремится возможно быстрее поправить свой исхудавший за зиму скот новой зеленью, быстро съедаемой. Поэтому, по мнению некоторых опрошенных мною местных жителей, на весну падает наибольшее число перекочевок в году. Таким образом, некоторые, преимущественно зажиточные айлы кочуют 10-12 раз в год.

3. Несмотря на относительную густоту населения, распределение мест кочевок между айлами десятка или сомона сверху, принудительным

4) Староста десятка.

порядком, хотя бы через сомонное собрание или даргу, не производится. Каждый аил кочует в привычном для него районе, избегая забираться в соседние. Налицо как бы неписанное право на некоторый участок, границы которого, правда, иногда очень расплывчаты и сливаются с соседними. Это относится как к отдельным аилам, так и к группам их, часто кочующим вместе. О раздорах по поводу кочевок я не слышал. Вероятно и здесь играет большую роль арбанай дарга, вообще ответственный за каждую отдельную личность в своем десятке. Границы сомона также не всегда соблюдаются, особенно пограничными аилами, кочующими по обе стороны границы. Но массовые перекочевки в соседний сомон допускаются лишь как исключение, вследствие, например, засухи в своем сомоне, и только с согласия сомонных дарг. Массовые перекочевки в соседний хошун случаются еще реже. Бывали случаи, когда в Цокто-Хайрхан сомон, соседний Баин-Мандалу, прикочевывали аилы расположенного к югу от Хангайской магистрали Баин-Хонгор улаин хошуна, спасаясь от засухи. Но это были, главным образом, жители пограничной с Хан-Ундуром полосы упомянутого хошуна. И, конечно, это делалось с ведома и разрешения сомонного начальства, опирающегося на собрание.

Внутри сомона беспорядочное перекочевывание по участкам других аилов допускается тоже лишь во время засухи.

4. Вследствие незначительной площади выпаса, приходящейся на одно хозяйство, часто аилы для удобства общей пастьбы кочуют по несколько вместе. Особенно заметно это летом, когда на открытых широких долинах то здесь, то там стоят многолюдные веселые стойбища. Группы по 7-10 юрт – явление частое. Условия зимних кочевок иные и в это время юрты группируются по 3-4, а то и по 1-2. Причины этого – отсутствие больших пространств для зимней кочевки, каковыми для летней являются открытые речные долины и, как следствие, разбросанность убульчжонов по мелким распадкам и речкам. Кроме того, зимой население кочует очень неохотно, а потому каждый хозяин стремится иметь в ближайших окрестностях своей зимовки возможно больший запас корма, что невозможно около больших стойбищ.

5. Порядок использования кормовой площади примерно таков. Летом стоят на берегу рек, в больших и низких долинах, на открытых местах. Стараются использовать быстро возобновляющуюся траву приречной полосы, траву уремы, кочкарники. Осенью передвигаются выше, ближе к убурам или к верхушкам речек. Зимой же большинство аилов прячется по мелким распадкам близ леса или забирается в вершины речек, где

сохраняется большая ветошь.

Когда на убурах стает снег и появятся первые зеленые ростки, скот питается, главным образом, ими. Поэтому айлы перекочевывают к местам, где этих убуров больше и где они сильнее прогреваются солнцем. Свежую зелень скот вытравливает быстро, а потому айлу приходится снова и снова перекочевывать дальше. На лето все опять собираются к рекам.

Никаких построек на местах стойбищ местное население не возводит. Летом делают из тонких жердей небольшие загородки для баранов и, иногда, лошадей. Перед юртой вкапывают столб или два для коновязи. Зимой же иногда складывают из камня и навоза небольшие полукруглые загородки для защиты мелкого скота от ветра. Важнее всего, конечно выбор убульчжона⁵⁾. Для этого последнего выбирают предпочтительно обращенный к югу склон (убур), подыскивая место, защищенное от ветра. Иногда отдельные айлы зимуют в умерных зарослях.

Весьма важно отметить какие именно растительные формации предпочитают населением как наилучший корм для скота. Многократные опросы выяснили, что наиболее ценны, как я уже имел случай упомянуть, мелкие ксерофитные травы каменистых убуров, где преобладает полынь. На этом малом по объему корме скот жиреет лучше всего и бывает крепок телом, т.е. не скоро теряет его [жир]. Затем следует степная формация суходолов по речным долинам (много ковыля) и травы, растущие на старых стойбищах и болотах с солонцеватой почвой (таких “солонечных” мест в районе, впрочем, немного). Все остальные растительные формации считаются неподходящими для скота вследствие малой питательности. Скот пасущийся на лесном, гольцовом или даже луговом альпийском кормах, плохо заправляется, быстро теряет осенью жир, легче поддается зимним невздам. Мясо и молоко его считаются плохим. Получается знаменательный для Монголии парадокс, что в богатом сочным разнотравием Хангае, скот предпочитает формации, наиболее близкие гобийским. Стада всегда тянутся к убурам и лишь по вытравлении этих последних обращаются к низинам (если последние не солонечны) и к лесной траве. Местные жители весьма хорошего мнения о гобийских кормах.

Очевидно именно в высоком кормовом качестве гобийских трав разгадка сравнительно благополучного (за исключением, разумеется, засушливых годов) существования в пустыне столь обильных стад домашнего скота и диких копытных. Подробное исследование гобийской растительности с точки зрения ее кормовых свойств приобретает поэтому

5) Зимника.

особый интерес.

Из вышеизложенного видно, что значительно большая половина травянистой растительности данного района остается неиспользованной. Лишь зимой, да и то в некоторых местах, скот пользуется густой и высокой ветошью в вершинах речек.

По уверению всех опрошенных жителей этого района, удобные для скота места вытравливаются в течение года почти начисто, что указывает на относительную насыщенность района населением. Расширение пастбищ возможно лишь за счет мест с худшим кормом.

Приблизительный подсчет удобной для скота площади в Баин-Мандал сомоне дает всего 450 кв. км (общая площадь сомона 1700 кв. км), т.е. в среднем по 3 кв. км на хозяйство (в сомоне насчитывается 150 хозяйств). Эти три квадратных километра должны прокормить скот одного хозяйства в течение года.

Использование остальной площади, как выпаса, помимо плохого качества корма, о чем упоминалось выше, затруднено в большинстве случаев еще и рельефом местности, т.е. труднодоступностью многих богатых этим кормом участков. Тут мешают очень крутые и высокие склоны, опасные для тяжелого рогатого скота (за исключением сарлыков), лесные заросли, россыпи и вязкие болота.

Единственный выход для айла, пожелавшего бы использовать эти корма как подножные, заключается в отказе от всех видов скота, кроме сарлыков, отличающихся стремлением к верхним, прохладным поясам. Пример такого решения задачи я видел в ущельях самого верхнего пояса массива Ихэ-Богдо (Гобийский Алтай), отличающихся труднодоступностью и большой абсолютной высотой (по крайней мере 3000 метров над уровнем моря), где кочуют айлы, часто не имеющие другого скота, кроме сарлыков.

Сенокосение возможно здесь лишь в небольшом масштабе, могущем удовлетворить только нужды местного населения. Попыток в этом отношении населением района не производилось никаких. Для сенокосения доступны альпийские луга речных вершин за пределами кочевок и, отчасти, лесные травы. Серьезно помешать интенсивной косьбе может лишь следующий фактор: косить альпийский луг стоит только тогда, когда он цветет; поздно косить не стоит, так как тогда эта формация теряет свои вкусовые качества, а летом на больших высотах выпадают обильные дожди, при которых высушить сено – задача нелегкая. Но, несмотря на это, научить население сенокосению необходимо. Здесь нужен толчок.

Из скота местное население разводит сарлыков, хайныков, монгольский рогатый скот, лошадей, овец и коз. Последних немного. Сарлыки

преобладают в верхней половине района, где встречаются айлы, не имеющие другого рогатого скота.

Монгольский же скот сосредоточен в больших низких долинах. Хайныков вообще немного.

Кочует местное население в верхней половине выючно, на сарлыках, а в нижней половине на телегах. Для легких переездов часто выючат лошадей.

Общее впечатление относительно зажиточности населения района хорошее. Настоящие бедняки редки.

Все вышеизложенные общие положения относятся к обоим обследованным мной сомонам. Относительно соседнего Баин-мандалу Цокто-хайрхан сомона остается прибавить лишь несколько цифр: площадь этого сомона близка к 1800 кв. км, из них под выпас годны около 500 кв. км. Но на территории этого сомона находятся кочевья двух уртонов большой уртонской дороги, связывающей Улан-Батор с Джергаланту (Кобдо). Уртон Галутэ входит в названный сомон целиком, а уртон Дзун-модо – наполовину. Таким образом, на долю обитателей сомона приходится лишь около 350 кв. км выпасов, т.е. по 2,3 кв. км на одно хозяйство. Поэтому и здесь корма выбиваются скотом за год почти начисто. По мнению опрошенных мною местных жителей поместить, скажем, в данный сомон еще 20-30 юрт – вещь почти невозможная. Утверждение это, на мой взгляд, близко к истине.

Заниматься земледелием в этом районе весьма затруднительно, главным образом, вследствие абсолютной высоты и, как следствие, несколько сурового климата. Кроме того, в огромном большинстве случаев почва здесь камениста. Орошение же вполне достаточное. Здесь могут привиться только морозостойкие сорта хлеба.

Поучительно привести для сравнения некоторые данные относительно соседнего вышеупомянутым двум сомонам Хан-ундур сомона, как лежащего ниже, в стороне от главного хребта Хангая. Процент пригодных под выпас земель в нем значительно выше, но и площадь этого сомона значительно меньше. Она равна, примерно, всего 400 кв. км. Исключив около 100 кв. км леса, получим выгон в 300 кв. км. Этот сомон неполон, т.е. в нем меньше 150 юрт. Следовательно, на одно хозяйство приходится 2-2,3 кв. км выпаса.

Таким образом, мы видим, что, по крайней мере в данных сомонах, площадь, пригодная под выпас, приблизительно соответствует числу хозяйств. Едва ли будет ошибкой распространить это положение на весь хошун.

Хан-ундур сомон расположен в непосредственной близости от Цецерлика. Близость эта оказывает заметное влияние на население. В

частности, здесь налицо сенокосение. Косить научились недавно, имея перед глазами пример казенных сенокосов Цецерликских учреждений. Косят айлы, убульчжоны которых находятся под лесом. Трава здесь густая и высокая. Вовремя скошенная, дает прекрасное сено. *Косят понемногу, но, тем не менее, уже бывают споры о хороших покосах. Очевидно, что в самом ближайшем будущем потребуется вмешательство власти для распределения сенокосных участков, т.е. первый шаг по землеустройству и переходу на полуседлый быт.*

Кроме того, одним местным русским старожилом производились в небольших размерах удачные опыты посевов ячменя и картофеля. Последний, правда, иногда мерзнет. Места пригодного для земледелия, довольно много. Почва лугового типа, богата перегноем. Влажности достаточно, так как эти удобные участки находятся под лесом. На эту возможность, несомненно, следует обратить внимание.

Покончив с вышеуказанным районом, я не производил уже в дальнейшем площадных обследований, а ограничился заметками по маршруту. В ближайшей к Хангайской магистрали части хошуна Чиндамани-ульдзэйтү-далай (именно в верховьях р. Будун-Гичигин) я нашел, что и здесь на одно хозяйство приходится менее 3-х кв. км выпаса.

Условие и характер кочевков совершенно такие же, как и в предыдущем районе.

На основании найденных здесь, а кроме того, и в Цокто-хайрхане, древних могильников можно сделать очень интересный вывод, что и в весьма отдаленные времена (по крайней мере более 1000 лет тому назад) верхняя граница людских поселений и кочевков совпала с нынешней. Этот же факт отмечен С.А.Кондратьевым (экспедиция Ученого Комитета 1926-1927 г.г.) на основании памятников же по всей периферии Кентэйской горной страны (к северу от Улан-Батора).

Далее, в районе нижнего течения р. Урту-Тэрхи в смысле выпасов для скота, я увидел ту же картину, на одно хозяйство здесь приходится 3-3,5 кв. км.

Сенокосения нет, хотя сенокосные угодья и имеются. Опрошенные мной местные русские служащие Тарятин-хуре сообщили мне, что, по их наблюдениям, хошун Чиндамани-ульдзэйтү-далай почти полностью насыщен скотом.

Климат этих мест, вследствие высоты, довольно суров. Вся система Тэрхиин-гола высоко поднята над уровнем моря. Так например, Таряты лежат на высоте, примерно, 2000 метров.

Неиспользованными в этом районе остаются лишь обширные плоские елани гребня хр. Тарбагатай, протянувшегося между долинами рек Хойту-Тэрхи и Эдэр.

Перевалив Тарбагатай, я простоял дня три в лесистой пади Тойн-ама. Здесь население еще гуще, чем где-либо по предыдущему маршруту: от гребня хребта до реки Эдэр я насчитал до 100 айлов на протяжении менее чем 30 км. Главная масса юрт находилась в узкой верхней половине пади. На 15-ти километрах было сбито до 70 айлов. Вследствие узости пади и ее притоков, по приблизительному подсчету, здесь, т.е. по всей Тойн-ама, на одно хозяйство приходится всего 1,5 квадратных километров выпаса, во всяком случае – не больше двух. Используются все возможности. Скот (даже бараны) ходит по лесу, по крутым и высоким увалам. Неиспользованными остаются лишь труднодоступные густые и крутые листовенничные сивера. Летуют все на главной речке, корма которой выбиты были при мне буквально дочерна. Боковые пади берегутся к зиме. Мой караван, спустившись в Тойн-ама с перевала в Тарбагатай, прошел 15 с лишним километров, прежде чем нашел площадку с хоть немного сносным кормом, чтобы накормить лошадей. Здесь я снова встретился с зачатками сенокосения. Косят очень понемногу, всего по несколько пудов на хозяйство, лишь с целью поддержать в особо холодные или почему-либо трудные для скота дни молодняк. Скашивают буйно растущие по убульчжонам сорняки и отдельные клочки высокой и густой травы под лесными опушками. Орудие – по-видимому короткая горбуша, наподобие серпа. Народ этой местности за пределы своей речки не выкочевывает, редко ездит куда-либо и кругозор его весьма узок. В соседних падах, по их словам, та же картина.

Плохое состояние кормов около Тарят и здесь объяснялось еще отсутствием дождей весной того (1928) года. По утверждению местных жителей главную роль в урожае трав играют весенние дожди. Если же земля засохла, то даже и хорошие летние дожди не дают требуемого эффекта в смысле роста трав. Осенние же дожди, особенно при пожелтевшей траве, считаются совершенно лишними, даже вредными для ветоши.

В дальнейшем я шел быстро и специальных замечок о кочевках почти не делал. Долина Эдэра оказалась также довольно густо заселенной. Несколько просторнее живут лишь близ урянхайской границы, где, между прочим, понемногу косят сено. На обратном пути сенокосение отмечено в земледельческом районе по р. Селенге и близ Ван-хуре.

Таким образом, Центральный Хангай оказался насыщенным населением. Дальнейшее развитие скотоводства в этом районе в сторону численного увеличения скота на основе прежнего экстенсивного способа ведения хозяйства я считаю весьма затруднительным. Вместе с тем непосредственная близость высокого горного хребта и положение изученного мною района на северном склоне его создают благоприятные

климатические условия в смысле редкости серьезных засух. Развитие сенокосения и достаточная ветпомощь парализуют в недалеком будущем вредное влияние снежных зим и эпизоотий. Но и при таких благоприятных условиях население сможет лишь поддержать некоторую норму численности скота – не больше. Кроме того, данный район не в состоянии оказать серьезную поддержку пастбищами и сеном своим соседям, обитающим на значительно менее благоприятном в климатическом отношении южном склоне Хангая. Следовательно, если рассматривать этот район как некоторую замкнутую территориальную единицу, то возможность развития скотоводства должна основываться лишь на изменении способа ведения хозяйства, на что должно быть обращено соответствующее внимание.

III.

Состояние пастбищного вопроса в Центральном Хангае нельзя, все же, распространять на всю северную половину территории МНР. В некоторых местах наблюдается обратное явление – избыток пастбищ. К таким районам относится, например, местность по нижнему Орхону. По данным Г.Е.Добровольского, работавшего там в хошуне Цзун-Бурин-хан-ула, на одно хозяйство, т.е. в среднем на 17 бодо, приходится до 25 кв. км выпаса, т.е. площадь с огромным избытком против необходимой на такое количество скота. И это при хороших кормах вообще и широкой возможности сенокосения по поймам р. Орхона. Но уже в соседнем хошуне, на р. Селенге (ее нижний участок в пределах МНР), обстоятельства меняются. Там на примерно то же число бодо приходится всего 8 кв. км. Избыток выпаса имеется и здесь, но значительно меньший, чем в первом случае. Вообще, при старом административном делении разница в насыщенности населением и скотом между отдельными, часто даже смежными, хошунами была очень велика. Насколько это обстоятельство было принято во внимание при новом районировании за отсутствием данных сказать трудно. Относительно же старых хошунов в тех же материалах экспедиции Витте приводятся следующие цифры, показывающие весьма большую амплитуду насыщенности. Если выразить степень использования кормов в каждом хошуне, на основе нормы в 1 пуд сухого корма на 1 голову крупного рогатого скота в процентах, то для ряда хошунов мы имеем 30, 95, 72, 55, 147, 87, 137, 70, 33, 45, 50, 232, 25 и 30 процентов. Цифры достаточно показательные. Между прочим, пятая по порядку цифра (147%) относится к хошуну Зая-бандиды, т.е. к теперешнему району Цецерлика, соседнему исследованной мной местности.

Если принять вышеприведенные цифры за верные и для настоящего времени, то получим в среднем насыщенность до 80%. А это цифра, весьма

недалекая от предела.

Впрочем необходимо помнить что соотношение между скотом и пастбищами, абсолютное количество скота – это все элементы весьма изменчивые. Засушливый год – и в редко населенном хошуне соотношение между скотом и кормом показывает явную перенасыщенность: последнего не хватает. Скот слабеет и падает, иногда в огромном количестве. Нередки случаи, когда по этой или по другим стихийным причинам в отдельных хошунах падает до трех четвертей (иногда и больше) всего скота. После сильной засухи, с наступлением нескольких благополучных лет, в пораженном ею районе обнаруживается, что вполне понятно, излишек пастбищ. Скот множится, если этому не мешают снежные зимы и эпизоотии, и постепенно приближается количественно к предельному числу, способному прокормиться на одной площади. В случае большого промежутка между двумя стихийными бедствиями, возможно, что предел этот будет перейден. Тогда и при вполне благоприятных климатических условиях в районе начинается пастбищный кризис. Тем легче поддается скот такого района новой волне засухи, т.е. попросту быстрее выпадает значительная его часть. Таким образом, пастбищный вопрос в Монголии регулируется до сих пор стихийно. Участие человека весьма незначительно. Но на хозяйственной жизни страны стихийность эта отражается очень тяжело. Так, например, невозможно составление наперед обоснованных хозяйственных и прочих планов, так как сильная засуха способна перевернуть все вверх дном; вследствие падежей часты недопоступления налогов, что отражается на госбюджете. Население большей половины Монголии находится под ежегодной угрозой голодовки или обеднения. Стихийным началам в регулировании пастбищного вопроса должен быть тем или иным способом положен конец. Вполне понятно что проведение широких мероприятий в этом смысле – я еще раз подчеркиваю это положение – должно основываться на научных исследованиях, соединенных с жизненным опытом передовых масс кочевого худонского населения. Подробная разработка этого вопроса – очередная государственная задача.

IV.

В качестве добавления я приведу некоторые отрывочные данные, имеющиеся у меня, по кочевкам в гобийских районах Республики.

Общие положения таковы:

1. Чем беднее растительность, тем большая площадь выпаса требуется для прокормления одной головы скота, или, что все равно, для скота одного хозяйства. Поэтому радиус ежедневной пастьбы скота часто очень велик.

Отсюда вытекает, как следствие, необходимость больших переездов при перекочевке, чтобы оказаться в центре нетронутого пастбища. На равнине верблюды зачастую пасутся в 6-7 верстах (а то и дальше) от аила. При перекочевке, следовательно, надо отъехать не менее как за 10-20 верст от старого стойбища.

Количества скота здесь также имеет значение. Размах кочевок богатого аила значительно больше. Область кочевок при его нормальных условиях часто достигает нескольких десятков верст в поперечнике. Несколько иной характер имеют кочевки в горах, где обычно сосредотачивается небогатое население с небольшим количеством верблюдов, представляющих собой самый ценный гобийский скот. Эти горные аилы кочуют в пределах значительно меньших участков, нежели равнинные. Объясняется это отчасти большим обилием корма в горах. Наиболее богатые хозяйства разбиваются часто на две половины: одна юрта кочует с верблюдами на равнине, где этот вид скота находит необходимый ему простор пастбища, гуджиристые места и более подходящий корм, кроме того, верблюды неохотно лазают по горам; другая же юрта с баранами и лошадьми кочует по горам, так как и бараны и лошади предпочитают горный корм и не боятся крутяков. Помимо этого радиус горного пастбища, вследствие большого богатства кормом, меньше равнинного и пасущимся баранам и козам не нужно покрывать таких больших пространств, чтобы быть сытыми, как это происходит на равнине. Равнинный и горный корма по разному действуют на качество мяса и молока местного скота. Если сравнить мясо барана с гор с таковым, взятым, скажем, из сравнительно низкой и жаркой долины нижнего Эцзин-гола, то разница в пользу первого будет большая: мясу барана равнинного не хватает той крепости, компактности, ароматичной сочности и вкуса, которые присущи барану из горных стад. Верблюд же, как типично равнинное животное, чувствует себя в горах плохо и всегда стремится к открытым пространствам. Все вышесказанное относится, главным образом, к “мирным” временам, когда нет засухи. С наступлением таковой размах кочевок часто сильно меняется в сторону увеличения. Но об этом ниже.

2. Относительно годового числа перекочевок одного аила точных данных у меня нет. Для аила среднего достатка минимум годовых перекочевок наверное таков же, что и в Хангае, т.е. 4. Но хангайского максимума (до 12) перекочевки гобийцев, по крайней мере в известном мне районе (главным образом Гурбан-Сайхан), как правило, не достигают. Таким образом, сводя эти два первые пункта в одно, можно сказать, что гобийцы кочуют в общем реже, но зато значительно дальше хангайцев.

3. Неписанные правила землепользования, о которых я говорил в очерке кочевков Центрального Хангая, значительно менее определены именно в силу большого по расстоянию размаха кочевков.

“Участки” отдельных хозяйств очень часто сливаются, переплетаются между собой. Более определенные границы кочевков имеют лишь беднейшие айлы, неспособные уючевать далеко. Также менее определены в этом смысле и границы сомонов, даже хошунов. Так например, южная окраина Баин-Цзурхэ-ульского хошуна (бывший Ламэн-гэгэн) заселена айлами Гурбан-Сайхана, кочующими здесь постоянно. По южной же границе этого последнего вот уже несколько лет кочуют айлы зарубежного племени уратов. Здесь ими выстроен на территории Халхи даже постоянный монастырь. Наименее определена государственная граница к западу от меридиана Эцзин-гольских озер, так как в этом районе к югу от нее простираются обширные совершенно не населенные пространства. Об этих пространствах я еще упомяну ниже.

4. Бедность гобийских равнин и гор кормом заставляет население расселяться по ним возможно реже и не допускает скопления многих айлов в одном месте. Поэтому в Гоби, как правило, отсутствуют оживленные, многолюдные стойбища, столь характерные для многих мест северной Монголии. Обычно около колодца или ключа встречаешь одну-две, реже три и больше юрт. Лишь в редких урочищах, особенно богатых водой и кормом, бывают большие скопления юрт, но и в этом случае эти последние раскиданы одиночками или попарно по всему урочищу.

В бедных водой местностях отдельные айлы иногда весьма удалены друг от друга и потому ведут несколько однообразную замкнутую жизнь, нарушаемую лишь поездками на богомолье в ближайший монастырек, поездками с торговой целью или по каким-либо надобностям в отношении налогов и повинностей.

5. Порядок использования кормовой площади не носит такого определенного характера, как в горных районах севера Монголии. Зимние и летние пастбища обычно перемешаны. Но все-таки надо сказать, что, как правило, летом население предпочитает открытые пространства, а зимой тянется к горам и холмистым местам. Кроме того, в Северной Гоби, при достаточном снеге, местные жители стараются использовать необводненные колодцами пространства, воспользоваться которыми летом почти невозможно. По южной границе соображение это почти отпадает, так как в большинстве случаев снегу выпадает за зиму очень мало.

Горные убульжоны устраиваются в теплых закрытых от ветра местах. Единственная постройка на месте зимника – невысокая полукруглая открытая с одной стороны загородка из камней, предназначенная для мелкого стада. На равнине же прячутся от холода и ветров в небольших впадинах, близ обрывов и отдельных холмов и горок.

В отношении годовых кочевок и использования кормов интересны хошуны южного склона Хангая. Почти все они (Арбай-хери, Хан-кокчун-ула, Баин-Цзурхэ, Туин-гол, Баин-хонгор, Богдо-хайрхан-ула) вытянуты неширокими, но длинными полосами с севера на юг и каждый из них охватывает самые разнообразные виды пастбищ, начиная от высокогорных хангайских и до равнинных гобийских включительно. Это обстоятельство позволяет населению этих хошунов широко комбинировать выпасы для скота то уходя в горы, то спускаясь на сухие равнины. К сожалению, я не располагаю достаточным материалом чтобы подробно осветить вопрос о кочевках и использовании таких разнообразных пастбищ. Хорошо известен мне лишь тот факт, что от сильной засухи обитатели этих хошунов укрываются в горах Хангая.

Выяснить вопрос, насыщены или нет гобийские районы скотом, чрезвычайно трудно. Каждый или почти каждый год все расчеты могут сильно изменяться, главным образом в смысле запаса кормов. Если дождей, особенно весной, было мало, а то и вовсе не было, то население теряет скот и иногда голодает. Наоборот, когда прошло несколько хороших дождей, нижний ярус пустынной однолетней травянистой растительности (кустарники относятся ко второму ярусу) бывает очень богат. Тогда, благодаря высокому качеству гобийского корма, скот быстро жиреет, население благоденствует и корма остаются невытравленными до конца, т.е. такой район является насыщенным скотом. Но такие годы выпадают редко. Так, в Гурбан-Сайхане перерыв между исключительно благополучными годами был около 20 лет (1907-1927). В 1927 году хороший урожай трав был вызван дождем, продолжавшимся 5-6 дней – явление очень редкое на южной окраине МНР. Более или менее интенсивная засуха бывает гораздо чаще, иногда несколько лет подряд. Эти последние годы особенно страдала полоса северной Гоби к юго-западу от Улан-Батора, в частности хошуны Хан-кокчун-ула и Баин-Цзурхэ-ула. Сильные засухи заставляют местное население укочевывать иногда очень далеко от привычных мест. Мне известны случаи кочевок за 100-150 верст (а может быть и более). Призрак голода гонит местных жителей в соседние, более благополучные хошуны. Передвижение это часто носит беспорядочный, почти стихийный характер. Возникают недоразумения по поводу пастбищ, воды и стоянок.

Тяжелое впечатление производят гобийские пастбища во время засухи.

Мне приходилось видеть (Хан-кокчун-ула, 1926) покинутые стойбища, окруженные горами издохших баранов, причем собаки, волки, коршуны и орлы не могли справиться с этими последними. Оставшаяся в живых скотина уныло бродит, еле передвигая ноги по оголенным каменистым пространствам, отыскивая засохшие клочки прошлогодней травы. Верблюды буквально качаются от ветра. Вчерашний богач становится бедняком.

Облегчить такие бедствия можно лишь отчасти. Здесь следует регламентировать и упорядочить широкие плановые перекочевки в более благополучные районы, по возможности обводнить колодцами безводные ныне пространства и тем самым увеличить площадь выпаса. Эта мера обеспечит положение в засушливом районе и даст возможность благополучному району вместить бежавших от засухи пришельцев. Очень важно, конечно, иметь свободные обводненные пространства в качестве резерва для плановых перекочевок. Таким резервным плацдармом может служить крайний юго-западный угол территории МНР, ныне совершенно безлюдный. Площадь его равна, примерно, 80.000 кв. километров. Значительная часть этой площади ныне безводна. Но в то же время там имеются большие горные хребты с ключами и колодцами (Эдэрэнген-нуру, Цаган-Богдо и Хуху-Тумуртэ-ула). Кроме того, в последних горах подпочвенная вода очень близка и число колодцев можно увеличить во много раз. Об этом районе я уже частично говорил в очерке работ Гобийской партии Ученого Комитета 1927 года, напечатанном в №1-м журнала "Хозяйство Монголии" за 1928 год. Здесь напомним вкратце его историю за ближайшие десятилетия. В начале текущего столетия там кочевали обитатели ближайших хошунов (Юм-бейсе, Йосту-бейсе, Балдын-цзасак, ныне Джибхаланту-ула и Гурбан-Сайхан-ула) под прикрытием постов так называемого Алтан-харула ("Золотого караула"), оберегавшего от набегов с юга и запада заброшенные ныне казенные золотые прииски. Местность эта не являясь территорией какого-нибудь хошуна, границы которых проходят значительно севернее (в частности в непосредственной близости от Юм-бейсе-хуре), но считалась принадлежащей Халхе и находилась как бы в общем пользовании ближайшего населения. Старики отзываются о тамошних пастбищах хорошо. Мало того, у Ладыгина (Камская экспедиция П.К.Козлова в 1899-1901 годах), пересекшего этот район с севера на юг, есть краткое указание, что во время его проезда местные монголы укочевали еще дальше на юг, где в тот год в изобилии родился кипец (мелкая пустынная трава, хороший корм). Это указание тем более любопытно, что обычно этот последний район считается одним из самых бесплодных во всей необъятной Гоби (см. в этом же номере заметку С.А.Кондратьева о

путешествии О.Латимора, именно его путь от Эцзин-гола на Ма-цзун-шань и далее). С падением манчжуро-китайской власти в Халхе, Алтан-харул рассеялся, но кочевки в прикрывавшемся им районе не прекращались. Вследствие запрета сеять мак (для получения опиума), объявленного в то время в провинции Ганьсу, несколько небольших групп ганьсуйских китайцев, видимо отчаянных авантюристов, отправились на поиски свободной земли и осели по ключам в горах Цаган-Богдо. Здесь они разработали небольшие плантации и стали сеять мак, сбывая, вероятно, опиум контрабандным путем в своей родине. Следы этих плантаций я видел. Затем, на заре монгольской революции, места эти попали в поле действия известного авантюриста, монаха – Джа-ламы, последнее перед гибелью убежище которого находилось южнее, в Ма-цзун-шане. Джа-лама выгнал ганьсуйцев с уже насиженных мест, так как они ограбили как-то один из мирных айлов, кочевавший поблизости. После разгрома шайки Джа-ламы монгольскими революционными войсками (причем сам он был убит), в интересующем нас районе еще несколько лет кочевали халхасцы. Но года четыре тому назад на этом участке границы начались набеги разбойничьей вольницы, снова собравшейся в довольно значительном количестве на старом гнезде Джа-ламы в Ма-цзун-шане. Набеги эти, особенно участвовавшие перед самым моим приездом на южную границу в 1927 году, терроризировали незащищенное местное население и последнее не только перестало кочевать в данном районе, но отодвинулось внутрь и от границ исконных своих кочевок, оставляя безлюдными некоторые весьма богатые кормом места.

Основной вывод из вышеизложенного говорит о том что этот огромный, безлюдный ныне район, вполне пригоден, хотя бы и частично, для кочевой жизни. Засушливые годы, разумеется, в счет не идут. Необходимо только обезопасить границу от набегов, на что потребуются минимальная затрата людей и средств. Приняв эту меру, Республика получит огромный по площади пастбищный резерв, который можно использовать при засухе в соседних гобийских районах. Кроме того, выставленные посты в значительной степени обезопасят важный караванный путь Джибхаланту - Юм-бейсе - Су-чжоу, связывающий западную Монголию с Ганьсу, Куку-нором, Цайдамом (Верхняя Монголия) и Тибетом, почти совсем замерший ныне из-за разбойников.

Безлюдный, за исключением Ма-цзун-шаня, район тянется в настоящее время почти от самого Юм-бейсе и до земледельческой полосы Ганьсу и от Эцзин-гола до восточной оконечности хребта Тянь-Шань (400 x 350 километров), т.е. занимает огромную площадь в 140.000 кв. км, принадлежащую частью МНР, частью Китаю.

Разрабатывая мероприятия по улучшению и регулированию кочевого быта и скотоводства в Гоби надо иметь ввиду, что они, по всей вероятности, лишь временно исправят существующее положение. Налицо ряд грозных признаков, говорящих о постепенном еще большем усыхании Центрально-Азиатских пустынь, может быть временном, но, в силу медленности вековых климатических колебаний, достаточно длительном. Положение это нельзя еще, за недостаточным количеством факторов, считать доказанным, но, повторяю, предупреждения есть. В новейшее время некоторые данные по этому вопросу собраны Геохимической экспедицией РАН и Ученого Комитета МНР в 1928 году, пришедшей к весьма грустным выводам об усыхании грунтовых вод в юго-восточной Гоби, и мной, во время гобийской экспедиции Ученого Комитета в 1927 году.

Вполне возможно выдвинуть предположение что в более или менее отдаленном (а может быть, и сравнительно близком) будущем Гобийские пустынные просторы, довольно богатые в настоящее время животной и растительной жизнью, станут абсолютно мертвыми. Исчезнет вода, а с нею и все живое.

Тем острее встает вопрос о наиболее рациональном использовании богатых влагой и растительностью северных районов Монголии, именно о максимальном развитии земледелия, наиболее рентабельных видов добывающей и обрабатывающей промышленности и о переходе населения с кочевого быта на полуседлый, а где возможно, и на оседлый быт.

* * *

Основываясь на материале, изложенном в этом очерке, я выдвигаю на обсуждение лиц, знакомых с данными вопросами и интересующихся экономическим развитием Монгольской Народной Республики, следующие тезисы:

1. При данном экстенсивном методе ведения хозяйства монгольское скотоводство – основа современной экономики страны – развиваться не может.

2. Экономическое развитие МНР возможно лишь на основе крупных изменений быта населения страны и нажима на малоразвитые стороны народного хозяйства (земледелие, промышленность).

3. Выработка и проведение в жизнь научно обоснованных мероприятий, вытекающих из предыдущего положения, есть насущная необходимость сегодняшнего дня. Промедление лишь ухудшит экономическое положение страны.